

Л.В. Егорова, М.Р. Гоголин
Вологодский государственный университет

МИХАИЛ ГОГОЛИН: «SILENTIUM» НА СТИХИ В. ШАЛАМОВА

Обсуждение редактора журнала с композитором Михаилом Гоголиным кантаты «Silentium» на стихи Варлаама Шаламова и соответствующих профессиональных вопросов. 16 января 2022 г. исполнение кантаты стало центральным событием музыкально-поэтического вечера «Я – северянин. Я ценю тепло» к 40-летию со дня смерти Шаламова.

М. Гоголин, кантата «Silentium», В. Шаламов, стихотворения.

15–16 января 2022 г. в Вологде прошли вечера памяти, посвященные 40-летию со дня смерти Варлаама Тихоновича Шаламова (17 января 1982).

15 января в Шаламовском доме было представлено шведское издание сборника критических статей и материалов «Книга, обманувшая мир» (составитель и редактор В.В. Есипов; на русском языке сборник вышел в Москве: «Летний сад», 2018). Как раз к дням памяти выпущено подготовленное В.В. Есиповым пермское издание антиромана «Вишера» [2]. (Уполномоченный по правам человека в Пермском крае П.В. Миков, поддержавший издание, дистанционно приветствовал участников вечера.) В.В. Есипов рассказал и о готовящейся им к публикации книге воспоминаний и дневников Ирины Павловны Сиротинской.

16 января центральным событием музыкально-поэтического вечера «Я – северянин. Я ценю тепло» стало исполнение кантаты Михаила Гоголина «Silentium». Это сочинение для тенора, хора и оркестра было написано в 2015 г. и исполнялось дважды: в 2017 и 2019 в зале Вологодской областной государственной филармонии. В этот раз собрались в более вместительном «Русском Доме» (из 600 мест было заполнено примерно 400). Кантату исполнили: хоровая академическая капелла г. Вологды имени В.М. Сергеева (художественный руководитель Елена Назимова), камерный оркестр Вологодской областной филармонии (худрук Александр Лоскутов), мужской камерный хор Вологодской областной филармонии (худрук Михаил Гоголин). Дирижировал сам композитор Михаил Гоголин.

Михаил Рудольфович Гоголин родился 29 июня 1962 г. в Вологде.

1980–1986. Учился на отделении хорового дирижирования в Вологодском музыкальном училище.

1986–1991. Учился по специальности «хоровое дирижирование» и «композиция» в Петрозаводском филиале Ленинградской консерватории. По окончании направлен на работу в Красноярский государственный институт искусств преподавателем хорового дирижирования.

1994. Принят в члены Союза композиторов России.

С 1994 живет и работает в Вологде. Преподает в Вологодском государственном университете.

С 1998 – полномочный представитель Союза композиторов России в Вологде и Вологодской области.

2009. Избран председателем Вологодского областного отделения Союза композиторов России.

Активно сотрудничает с различными творческими коллективами: камерным хором Академии музыки имени Гнесиных, хором Петрозаводской государственной консерватории, хором Академии хорового искусства имени В.С. Попова и др.

Л. Е. Михаил Рудольфович, обратившись к Вашему авторскому сайту [1], легко убедиться, что хоровых сочинений у Вас много: сочинения на духовную тематику, хоровые циклы на стихи русских и западноевропейских поэтов, обработки и произведения кантатно-ораториального жанра. Среди последних упомянем кантаты «Вечерние песнопения» на стихи А. Блока (1990), «Sulamita» на текст из библейской «Песни Песней» (1992), «Сады души» на стихи Н. Гумилева (1996), «Даниил» на текст поэмы М. Цветаевой (1998).

Что Вы думаете об отражении поэзии в музыке? Очевидно, что стихи обладают внутренней музыкой. Каковы Ваши принципы подхода к воплощению стихов в хоровой музыке?

М. Г. Мне близка по этому поводу мысль Иосифа Бродского, что «поэт – это последний человек, который радуется тому, что его стихи перекладывают на музыку», потому что естественно, что при переложении на музыку стих может очень многое потерять, если это настоящая поэзия. Другое дело, если это специально написанные стихи, так называемые тексты для песен, тогда, да, – тогда музыка их может вытащить, поднять, изменить образ – многое может сделать, потому что средства выразительности в поэзии и в музыке достаточно разные, хотя, естественно, и в чем-то сходятся.

Поэтому, говоря о моем принципе, во-первых, я нахожу те стихи, которые резонируют во мне. В основном эта поэзия классического типа. Вы уже, наверное, видели, какие авторы у меня чаще появляются, какие – редко, единично. Конечно, каждый чело-

век обладает каким-то своим ограниченным кругом знаний и ограниченным кругом того, в чем он ориентируется, и я не исключение в этом. Поэтому какие-то стихи мне встречаются случайно, как было, например, с Кибировым. Я написал буквально одно произведение на стихи Кибирова и больше с ним не встречался. Но вот тот первый раз меня зацепил:

*Смотрят замки, горы, доли
В глубь хрустальных рейнских вод.
Моцарт, Моцарт, друг веселый,
Под руку меня берет...*

Примерно по такому же принципу и все остальные стихи мною находились. Иногда я ставил себе задачу специально написать музыку на такие-то тексты. Находил эти тексты – работал с ними. Взяв какого-то поэта, не берешь все подряд. Строишь то, что западает тебе в душу. На Пастернака у меня нет, помоему, ни одного произведения. Его поэзия мне представляется несколько тяжеловесной. Я все-таки любитель такого, скажем, пушкинского стиля; лермонтовского – экспрессивного. Не так давно я начал писать на Бродского – и достаточно много написал к сегодняшнему дню. На Бродского не так просто писать. Во-первых, его рифмы, стихосложение для музыки популярного склада не совсем подходит. Он достаточно редко употребляет такие размеры, как ямб, хорей, дактиль, которые в основном в певческой музыке присутствуют.

Самая большая проблема, когда берешь какие-то стихи, – где остановиться. Особенно, если берешь большие произведения. Если сразу перейти к Шаламову, взяв текст «Аввакум в Пустозерске», я первым делом начал думал, где мне заканчивать. Если брать все произведение и писать огромную кантату, смысла нет. Меня в первую очередь привлекла идейно-смысловая основа этого стихотворения, где я взял элементы, где идет борьба лирического героя: Шаламова, Аввакума, – то, что в данный момент мне было интересно. Никакая историческая правда, бытовая правда в тот момент меня не интересовала. Может быть, когда-то будет это интересно. Соответственно берутся «ножницы» – и все лишнее обрезается. Очень часто меняются какие-то слова, выражения. Это сплошь и рядом. Начиная с Глинки, который и Пушкина не жалел – его поэзию перекраивал, подстраивал под себя. Эта традиция достаточно давняя. Поэтому еще раз к Бродскому возвращаюсь, который заметил, что радоваться тут нечему – нужно в основном плакать. Редко когда композитор соглашается взять текст и пойти слепо за поэтом. Поэт в основном – поставщик сценария. Тут встречаются два эго и, естественно, эго композитора является большим: композитор берет текст, который есть, и его переделывает. Кто-то соглашается с этим, кто-то нет, но это так было и, наверное, так и будет.

Л. Е. Расскажите, пожалуйста, как Вы встретились со стихами Шаламова. Двухтомник «Стихотворения и поэмы» в «Новой библиотеке поэта» был издан только в 2020 г. Вы читали сборники стихов, газетно-журнальные публикации? Как пришла мысль написать кантату?

М. Г. Имя Шаламова стало возникать в период перестройки. Вы сами, наверное, помните. Я в это время как раз учился в консерватории – это конец 1980-х. И имя Шаламова запомнилось. Наверное, и потому, что мой земляк. Отметина в памяти появилась. И как-то раз в одном книжном магазине (где литература была на обмен) я уже не помню, на что выменял (может быть, на «Воспоминания и размышления» маршала Жукова) бордовый томик «Левый берег» Шаламова – там «Колымские рассказы», «Четвертая Вологда». С этого я и начал знакомство с Шаламовым. Сказать, что сразу стал его поклонником, я не могу. Его проза достаточно суровая. Может быть, я еще не был тогда готов: у меня были другие эстетические пристрастия. Я увлекался Набоковым в то время – его ярким писательским стилем, и Шаламов в этом плане был грубоватым.

Постепенно стало понятно, что сама по себе фигура Шаламова выходит все выше и выше – на первый план. Я начал смотреть, что еще у него есть. Переехал как раз в Вологду. Шаламовский дом открылся. Поводов знакомиться стало еще больше. Уже не помню, когда в первый раз мне такая мысль пришла, что неплохо бы написать на его тексты, причем не только стихотворные, – я с удовольствием работаю и с прозой. Иногда это бывает мне более интересно, потому что стих обладает своей ритмикой, своим художественным выражением, которое очень часто не нуждается в музыке. Как я уже говорил, музыка может его и в одну сторону увести, и в другую: из низкого сделать высокое, из высокого – низкое. Музыка может это в один момент сделать – у нее есть все средства для этого.

Я начал смотреть стихи в Интернете – по разным литературным сайтам. Обычно я беру тексты – копирую: Шаламов, Клюев...

И в 2015 г. я сочинил кантату «Silentium». Наверное, посмотрел, что у Шаламова приближался юбилей: в 2017 г. 110 лет. А у меня как раз был юбилей – 55 лет. И ради двойного юбилея исполнил эту кантату в своем авторском концерте. Я понимал, что Шаламов – известный поэт, наш земляк, но не надеялся на большой интерес. Я знаю примерно пристрастия и наших земляков, и людей в общем. Шаламов не входит в популярную струю того, что наши сограждане предпочитают. И тем более мне приятно, что кантата все-таки, условно говоря, «пошла». Наверное, я где-то попал в ту цель, которую, может быть, для себя и не намечал, но попал.

Л. Е. Правильно ли я понимаю, что есть произведения, написанные по заказу и без заказа? Кантата «Песнь преподобному Герасиму, Вологодскому чудотворцу», например, написана в 2012 г. по заказу Администрации Вологды и с успехом исполнена во время празднования 865-летия со дня основания города на Кремлевской площади. За создание этой кантаты Вы были удостоены Государственной премии Вологодской области. Что Вы думаете о судьбе «Silentium»?

М. Г. Да, у меня есть ряд произведений, которые написаны по заказу, и еще больший ряд – без заказа. Сразу хочу сказать, что то, что есть заказные произведения, это очень хорошо. Я считаю, это работа, и

«В отрыв». Фото Татьяны Михайловой

Исполнение кантаты «Silentium». Фото cultinfo.ru

это показатель того, что твоя работа востребована. Я стараюсь не отказываться от таких заказных произведений, даже если иногда мне они не очень интересны. Я стараюсь найти какой-то способ сделать их для себя интересными: найти такие повороты, чтобы заданная тема стала каким-то образом мне близка. Кантата «Песнь преподобному Герасиму» была написана по случаю – во многом инициирована мной. И я рад, что она «пришлась ко двору». Надеюсь, что в этом году по случаю 875-летия Вологды кантата будет еще раз исполнена. Она также исполнялась несколько раз. Исполнение кантаты, Вы понимаете, – затратное дело и достаточно хлопотно: большие исполнительные коллективы трудно свести вместе, достаточно трудно организовать репетиционный процесс, и это всегда как отдельный проект идет.

Что я думаю о «Silentium». Хочу надеяться, что это сочинение будет востребовано, во всяком случае, в связи с Шаламовым – будет исполняться в юбилейные даты. Может быть, и по каким-то другим поводам. Не могу точно сказать, как это может быть. Мне

просто хочется, чтоб моя музыка была востребована, чтобы народ ее любил – хотел, чтобы она звучала. Это желание каждого творца. Не думаю, чтобы я был в этом как-то оригинален.

Л. Е. Кантата состоит из восьми частей – я перечислю названия стихотворений: «Аввакум в Пустозерске», «Моя мать», «Нищий», «Эй, красавица», «Silentium», «Камея», «Я беден, одинок и наг», «Я разорву кустов кольцо». Как возникла эта структура?

М. Г. Во-первых, сразу поправлю. Первая часть кантаты называется не «Аввакум в Пустозерска», а просто «Аввакум». В данном случае меня не интересовало, где он находился – в изгнании, в Пустозерске или в другом месте. Мне была важна его личностная направленность, моральный посыл. Привязка к местности меня не интересовала – поэтому просто «Аввакум».

Последняя часть кантаты называется «Реки ада». В заглавие выносятся тот основной образ, который хочется сразу понять – о чем будет. В данном случае это «реки ада».

Как возникла структура. Структура возникает по-разному. Первый посыл – я хочу написать кантату. Кантата в основном – многочастное произведение. Может быть 8 частей, может – 2-3 части. Начинаешь думать, какие тексты могут войти. Важно, чтобы появилась драматургия, которая тебе кажется убедительной. Я начал с Аввакума. Думал, что вся кантата будет в ключе старообрядчества – со знаменными распевками. Потом я ушел от этого, и в результате появилось то, что появилось.

Как структура еще появляется? Надо думать о контрастности частей: быстро – медленно. Это необязательно, но я иду классическим путем – стараюсь, чтобы был контраст. Контраст – это то, что позволяет удерживать слушательское внимание, а мне хочется, чтобы слушатели были со мной от начала до конца, поэтому я ищу такие способы, чтобы внимание удерживать до конца.

Как появился номер, который называется «Silentium». Его сначала не было. Он появился совершенно случайно. Я узнал, что есть такое мнение, что «Silentium» – это самое главное, основное произведение Шаламова. Не думаю, что это правильное мнение, но оно меня заинтересовало. Я нашел текст и написал произведение, которое явилось единственным номером акапельным. Не совсем акапельным, но все же оно поется преимущественно без сопровождения. Для чего я это сделал? Чтобы передать сам смысл этого слова – *молчание*. Вся кантата грохочет с оркестром, а тут вслушивайтесь в то, что хор поет – шепчет – кричит – молчит. Молчание получилось достаточно громкое. И вынес название этой части в заголовок кантаты. Что я хотел этим сказать? В этом молчании – все, о чем мы думаем. Можно об этом говорить вслух, можно не говорить, но своей жизнью, своими поступками ты прекрасно объясняешь – все, что у тебя есть, все то, о чем ты молчишь.

Л. Е. При исполнении кантаты 16 января между частями звучали слова Шаламова. Для Вашей души композитора это приемлемо?

М. Г. В кантате, естественно, этих слов нет. В данном случае для этого исполнения я попросил, чтобы были тексты между частями – для того, чтобы публика лучше все осмыслила. Я понимаю, что музыкальное произведение со словом, исполняемое хором, всегда имеет недостаток: непонятен текст. Если ты эти тексты не знаешь наизусть, то очень часто звучит одна «каша». Меня это не очень устраивает. Я хотел, чтобы перед каждым номером звучало стихотворение, которое положено на музыку. Наверное, это тоже лишнее. Остановились на том, чтобы давать передышки. Естественно, такое исполнение не будет зафиксировано где-то. Это для данного проекта – для данного вечера.

Л. Е. О первой части Вы уже рассказали. Напомню читателям, что стихотворение «Аввакум в Пустозерске» было написано после Колымы – в 1955 г. Шаламов комментировал: «Это одно из главных моих стихотворений. Формула Аввакума здесь отличается от канонической. Стихотворение мне особенно дорогое, ибо исторический образ соединен и с пейзажем, и с особенностями авторской биографии» [4, т. 1, с. 529].

Вторая часть кантаты посвящена маме поэта. Варлам Тихонович писал: «Я не епископ и не священник. Но свою маму я хотел бы причислить к лику святых» [5, с. 34]. Стихотворение написано в 1970 г. С одной стороны, здесь – казалось бы – будничное и частное, с другой – высокое и вселенское. Что было важно для Вас?

*Моя мать была дикарка,
Фантазерка и кухарка.*

*Каждый, кто к ней приближался,
Маме ангелом казался.*

*И, живя во время оно,
Говорить по телефону*

*Моя мама не умела:
Задышалась и робела.*

*Моя мать была кухарка,
Чародейка и знахарка.*

*Доброй силе ворожила,
Ворожила доброй силе.*

*Как Христос, я вымыл ноги
Маме – пыльные с дороги, –*

*Застеснялась моя мама –
Не была героем драмы.*

*И, проехавши полмира,
За порог своей квартиры*

*Моя мама не шагала –
Ложь людей ее пугала.*

*Мамин мир был очень узкий,
Очень узкий, очень русский.*

*Но, сгибаясь постепенно,
Крышу рухнувшей вселенной*

*Удержать сумела мама
Очень прямо, очень прямо.*

*И в наряде похоронном
Мама в гроб легла Самсоном, –*

*Выше всех казалась мама,
Спину выпрямив упрямо,*

*Позвоночник свой расправя,
Суету земле оставя.*

*Ей обязан я стихами,
Их крутыми берегами,*

*Разверзающейся бездной,
Звездной бездной, мукой крестной.*

*Моя мать была дикарка,
Фантазерка и кухарка. [4, т. 2, с. 197–198]*

1970

*Партитура кантаты «Silentium».
Фото Дениса Саничева, генерального директора Вологодской филармонии*

М. Г. В тексте есть юмор, добродушное подтрунивание. И в то же время – окончание, где произносится: «И в наряде похоронном / Мама в гроб легла Самсоном». Трагедийные строки. Мне показалось, что будет очень хорошо взять этот текст и первую и вторую части в контрасте подать: Аввакумовскому экстазу противопоставить бытовые сценки, которые заложены в этом стихотворении и которые вырастают до греческой трагедии. Как мне кажется.

Л. Е. Да, соглашусь.

Перед следующей – третьей – частью звучал Шаламов: «Во время работы на прииске, этих десяти лет скитаний от забоя до больницы и обратно, все стихотворное было вытравлено, выбито, высушено, выдавлено из моей души и тела. Ни одного стихотворения за эти десять лет не написалось. Ни чужие, ни собственные стихи мне не были нужны в тогдашней моей жизни. Они скорее мешали жить тому зверю, тому доходяге, которым я был. Но едва я получил передышку, даже ничтожную, я попытался как-то отметить это в стихотворной форме» [3].

Я с восхищением слушала, как Вы сплетаете два следующие стихотворения. Второе я знала наизусть. Первое каким-то удивительным образом прошло мимо меня, и, слушая Вашу интерпретацию, с каждой вариацией (правильное ли слово?) я открывала в стихотворении все новые и новые смыслы.

*Я нищий – может быть, и так.
Стихает птичий гам,
И кто-то солнце, как пятак,
Швырнул к моим ногам.*

*Шагну и солнце подниму,
Но только эту медь
В мою дорожную суму
Мне спрятать не сумею... [4, т. 1, с. 302]*

1956

*Так вот и хожу
На вершок от смерти.
Жизнь свою ношу
В синеньком конверте.*

*То письмо давно,
С осени, готово.
В нем всего одно
Маленькое слово.*

*Может, потому
И не умираю,
Что тому письму
Адреса не знаю. [4, т. 1, с. 214]*

1940-е? – 1953

М. Г. По поводу третьей части «Я нищий», в которую включено стихотворение «Так вот и хожу на вершок от смерти»... Не сразу было такое решение, что надо соединить два стихотворения. Я совершенно осмысленно начал писать «Я нищий». Написал этот музыкальный текст, и мне стало понятно, что меня не устраивает отсутствие развития. Вероятно, можно было оставить и так, и каким-то образом – по контрасту с другими частями, по соотношению, – может быть, оно бы и работало. Но, как говорится, все случается в тот момент, когда случается. И вот в тот самый момент мне показалось, что тут надо сделать середину очень импульсивную, которая подымала бы текст «Я нищий» на уровень очень высокий, где бы слова «Я нищий – может быть, и так» в первую очередь звучали бы: «может быть, и так», но, скорее всего, это совсем не так, и я никакой не нищий, а я человек, и я отвечаю за себя, за свои слова и за все то, что делаю. И стихотворение «Так вот и хожу...» дало этот импульс. Я, естественно, сделал все это в быстром темпе, в таком энергичном стиле. Такое хоровое фугато получилось. Само по себе фу-

гато – достаточно устаревшая музыкальная форма, но, тем не менее, мы, композиторы, до сих пор ее употребляем: она работает – дает энергичную, вперед стремящуюся мысль – мысль музыкальную позволяет сделать.

Л. Е. Выбор стихотворения «Эй, красавица» стал неожиданным для меня. Почему оно стало 4-й частью цикла? Чем оно Вас привлекло?

*Эй, красавица, – стой, погоди!
Дальше этих кустов не ходи.*

*За кустами невылазна грязь,
В этой грязи утонет и князь.*

*Где-нибудь, возле края земли,
Существуют еще короли.*

*Может, ты – королевская дочь,
Может, надо тебе помочь.*

*И нельзя уходить мне прочь,
Если встретились ты и ночь.*

*Может, нищая ты, голодна
И шатаешься не от вина.*

*Может, нет у тебя родных
Или совести нет у них,*

*Что пустили тебя одну
В эту грозную тишину.*

*Глубока наша глушь лесная,
А тропинок и я не знаю... [4, т. 1, с. 84–85]*

1952

М. Г. Жанровая сторона этого стихотворения очень колоритна. И, как я уже говорил, для того, чтобы создать контраст между частями, мне нужны были стихотворения совершенно разные стилистически – чтобы кантата начала дышать, работать. Чтобы после тяжелой, трудной для восприятия части звучала музыка более легкая: чтобы она контрастировала и чтобы вот этот контраст позволял бы «играть». Знаете, как холодное с горячим образуется пар, а пар – движущая сила прогресса, условно говоря. Вот, наверное, здесь такая же технология – композиторская технология. Я вспоминаю слова С.С. Прокофьева, когда он рассказывал, как оперы пишет. И он говорил примерно то же: когда я чувствую, что что-то начинает затягиваться, публика начинает засыпать, я делаю неожиданный какой-то поворот: условно говоря, стучу в барабан со всей громкостью – все подпрыгивают в своих креслах и просыпаются. Здесь, наверное, то же самое.

Л. Е. Вы уже сказали о следующей части, но я все же напоминая читателям стихотворение «Silentium» – центральное для кантаты. Оно было написано Шаламовым в 1950 г. на ключе Дусканья и опубликовано в 2014 г.

Silentium

*Кровь и обиды,
Все, что ты видел,
Если вернешься домой,
Помни немой.*

*В пьяном чаду,
В малярийном бреду,
Либо
На дыбе,
Где мышцы твои рвут палачи,
Молчи.*

*В счастливом сне
Любимой жене
В свете зари
Не говори.*

*Даже отцу,
Мертвецу,
На могиле
Ведь не расскажешь были.*

*Матери – помоги.
Матери – лги.*

*Дочери,
Сыну
Ночью
Синей,
О том, как ты жил,
Не расскажи.*

*И другу
Сжмая руку,
К тайнам своим открывая ключи,
Про это – молчи.*

*Но на последнем встав пороге,
Устав и от правды, и от лжи,
Богу,
И то немного,
Всё-таки расскажи! [4, т. 2, с. 306]*

1949–1950

Кардинально иной – запредельный опыт, нежели у Тютчева в его одноименном стихотворении.

М. Г. Я уже рассказывал, что стихотворение появилось самым последним в кантате. Так часто бывает. Пока произведение не вышло из-под пера, пока оно не прозвучало, и даже очень часто, когда прозвучит, оно все еще находится в состоянии «полуфабриката». То есть иногда только после исполнения ты понимаешь, что надо правильно сделать, потому что какие-то временные соотношения, контрастные вещи – они только тогда проясняются, когда произведение звучит на публике и ты его слышишь в реальном – в физическом смысле. Ты начинаешь понимать вещи, которые иногда очень трудно даются за письменным словом, когда ты только в голове это слышишь, когда играешь сам себе. Это все такие интересные метафизические

вещи, которые не только мне как композитору становились ясны. Наверное, это опыт всех пишущих людей, которые советуют, что-то написав, отложить – отойти от него эмоционально и через какое-то время достать – посмотреть – взглянуть на него другими глазами. Потому что всегда кажется, когда ты написал три ноты, ух, это так гениально. Потом проходит какое-то время, и ты видишь, что все это совершенно банальные вещи.

Когда пишешь длинное произведение (я думаю, что не только музыкальное), постепенно замысел зреет – растет – прорастает. И постепенно становится понятно, чего же не хватает в нем: каких-то кульминационных вещей, каких-то вещей, связанных с ландшафтом. Контрасты. Темпы различные. Когда тебе становится понятно, что вот так вот вещь имеет какое-то естественное движение, естественное развитие, а вот так в ней чего-то не хватает: провал какой-то или зависание на чем-то, которое тебе кажется очень важным, а слушатель засыпает – он считает, что-то затормозилось – мысль застыла. Все это непросто. Все это приходит с опытом – приходит с таким слушанием, когда ты в зале сидишь вместе со всеми и начинаешь слушать ушами слушателей. Это очень интересный опыт, который обязательно должен быть у всех пишущих.

Л. Е. Поэтический шедевр «Камея» мне видится закономерным в кантате и – прекрасным:

Камея

*На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.
Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.*

*В страну морозов и мужчин
И преждевременных морицин
Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.*

*Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой,
И, чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака. [4, т. 1, с. 112]*

Зима 1952/1953

М. Г. «Камея», конечно, такое стихотворение, которое красит весь цикл. Само по себе красивое, очень романтическое, очень лирическое, чего у Шаламова не так много. Здесь – вершины лирики. Естественно, хотелось сочинить на этот текст красивую музыку. Я не сторонник того, чтобы улаживать слух. Но иногда хочется написать красивую музыку, красивую мелодию, чтобы это всем нравилось. Я не знаю (*улыбается*), идти на поводу у вкусов или на самом деле душа требует красоты... Как я слышал по отзывам (уже не раз), что это красивая музыка – и очень нравится. Может, во всей кантате кому-то только этот номер и нравится. Замечательно. Значит, хотя бы что-то я сделал, чтобы Шаламова популяризировать, чтобы люди к музыке тянулись. Потому что, скажем, мне интереснее одно, другому – другое, третий все воспринимает

как интересное ему... У всех разный опыт. У всех разное слышание. Я считаю, что «Камея» – особенно по контрасту с частью «Silentium» – выводит из абсолютной вечной мерзлоты колымской в какие-то совершенно другие духовные ипостаси, где ничего этого нет. Хотя там и говорится: «в краю морозов и мужчин», – это географические определения, потому что ни в музыке, ни в стихах никакой этой вечной мерзлоты нет. Поэтому мне захотелось, чтобы эта музыка, это стихотворение были в кантате.

Л. Е. И в следующей части Вам была дорога эта вертикаль, энергетика Шаламова? «Как только стало видно, что стихи – подлинность, что в них есть и кровь, и судьба, и эмоциональный напор, и новизна интонационная, как только стало видно, что я могу рвануться почти по собственному желанию на некую высшую ступень, где нет ни зрения, ни слуха, ни одного из человеческих чувств, ибо все отключено, а мобилизовано лишь одно – познание мира с помощью стихов. Когда я понял, что могу сделать это волевое усилие, уже в полубреду, в стихах, я стал считать себя поэтом...» [3].

*Я беден, одинок и наг,
Лишен огня.
Сиреневый полярный мрак
Вокруг меня.*

*Я доверяю бледной тьме
Мои стихи.
У ней едва ли на уме
Мои грехи.*

*И бронхи рвет мои мороз
И сводит рот.
И, точно камни, капли слез
И мерзлый пот.*

*Я говорю мои стихи,
Я их кричу.
Деревья, голы и глухи,
Страшны чуть-чуть.*

*И только эхо с дальних гор
Звучит в ушах,
И полной грудью мне легко
Опять дышать. [4, т. 1, с. 75–76]*

Не позднее зимы 1952/1953

М. Г. Без такого шедевра трудно было бы писать что-то о Шаламове. Здесь он все рассказывает. В стихотворении «Silentium» он не хочет рассказывать, но все равно рассказывает. Не может человек, который говорит «молчи», и в то же время он же не молчит – он всем рассказывает. А здесь он просто передает все – вот это свое какое-то внутреннее ощущение: «Я беден, одинок и наг, лишен огня». Это страшно. И в то же время – «Я говорю мои стихи, я их кричу». И что? «И только эхо с дальних гор звучит в ушах...» Представляете, какое отчаяние человеческое. Ничего нет. На что надеяться? Кто услышит эти стихи? Мы же всегда надеемся на лучшее, но не всегда это лучшее случается. И здесь можно сказать, вот это отчаяние –

Ведущий музыкально-поэтического вечера «Я – северянин. Я ценю тепло» В.В. Есипов

и в то же время преодоление его. Я попытался музыкой выразить вот это преодоление, борьбу какую-то, и сам характер музыки достаточно энергичный, внутренне собранный. И когда произносится текст: «Я беден, одинок и наг», – но звучит это очень четко, отрывисто, то начинаешь понимать, что не все так просто. Внутри этого персонажа, внутри лирического героя сидит очень большая внутренняя уверенность в себе, в чем-то таком, что люди рядом с ним не могли бы тогда увидеть, – он только сам знал. И поэтому мне захотелось соединить этот текст с последним номером «Реки ада», где внутренний порыв прорывается и в музыку. По сути дела, это такая заключительная точка, в которой я хотел сказать: да, все получится. «Я разорву кустов кольцо» – и все получится: мне ничего не страшно, все будет так, как я хочу, так, как я думаю, что так должно быть, потому что мои силы, в которые я, конечно, иногда не верю, но они мне дадут шанс вырваться из этого и стать поэтом. Это для него главное было. Это главное для каждого творческого человека – самовыражение. И конечно, очень хочется, чтобы это самовыражение было оценено людьми. Вот об этом, наверное, и это стихотворение, и моя кантата в целом.

Не буду утверждать, что так оно и есть, потому что, как любая вещь, она имеет множество прочтений. Даже я в другой момент могу сказать, что кантата – о другом. Я не знаю, о чем она. Она про Шаламова, скажем так, а уж дальше каждый оценивает с высоты своего опыта – и житейского, и литературного, и музыкального. Я рад одному, что три раза кантата уже прозвучала, намечается четвертый и так далее. И я скажу, что это достаточно редкие явления. В наше время в основном премьера – она же первое исполнение – оно уже и последнее. Поэтому я в общем рад.

Л. Е. Позвольте мне вернуться к последней части. Вы удивительным для меня образом превратили вот это стихотворение в мощнейший финал кантаты:

*Я разорву кустов кольцо,
Уйду с поляны.
Слепые ветки бьют в лицо,
Наносят раны.*

*Роса холодная течет
По жаркой коже,
Но остудить горячий рот
Она не может.*

*Всю жизнь шагал я без тропы,
Почти без света.
В лесу пути мои слепы
И неприметны.*

*Заплакать? Но такой вопрос
Решать же надо.
Текут потоком горьких слез
Все реки ада. [4, т. 1, с. 167–168]*

1951

У меня такое ощущение, что тихое личное стихотворение трансформировано в громкое, величественное в музыке, и это обусловлено не столько самим стихотворением, сколько финальной позицией в кантате.

М. Г. Это как раз тот случай, о котором я говорил, что музыка может менять смысл стихотворения. Она может сделать из лирического стихотворения абсолютно милитаристический марш, а может – наоборот... У музыки огромные выразительные средства. Поэтому опасно поэзии сталкиваться с музыкой. Опасно. Но мы не можем без этого. Вот это сопоставление двух разных энергетик очень часто дает совершенно новые прорывы. Творческие. Новые совершенно решения. Новые образы. Я не знаю, получилось у меня или нет. Как бы Шаламов к этому отнесся... Очень может быть, что он бы сказал, что это никуда не годится. Как говорил А. Вознесенский: «Не трожьте музыку руками!» Только тут: не трожьте

поэзию руками... Все очень может быть. Я никогда не бываю уверен, что на 100% прав. Я всегда сомневаюсь. Сомневаюсь, но продолжаю заниматься этим.

Л. Е. Спасибо Вам. Вы реализовали то, о чем мечтал Шаламов после Колымы:

*Я думал, что будут о нас писать
Кантаты, плакаты, тома;
Что шапки будут в воздух бросать
И улицы сойдут с ума.*

*Когда мы вернемся в город – мы,
Сломавшие цепи зимы и сумы,
Что выстояли среди тьмы.*

*Но город другое думал о нас,
Скороговоркой он встретил нас. [4, т. 2, с. 127]*

1961

Литература

1. Михаил Гоголин – авторский сайт. – URL: http://www.gogolin.ru/?MIHAIL_GOGOLIN (дата обращения: 22.01.2022). – Текст : электронный.
2. Шаламов, В. Т. Вишера: рассказы, очерки, стихи / Варлам Шаламов ; составитель, подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. В. Есипова. – Пермь : ИП Худяков С. А., 2021. – 304 с.
3. Шаламов, В. Т. Поэт изнутри / В. Т. Шаламов // Шаламов В. Т. Несколько моих жизней : Проза. Поэзия. Эссе / В. Шаламов. – Москва : Республика, 1996. – С. 434–441. – URL: <https://shalamov.ru/library/21/47.html> (дата обращения: 22.01.2022). – Текст : электронный.
4. Шаламов, В. Т. Стихотворения и поэмы : в 2 томах / В. Т. Шаламов ; вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания В. В. Есипова. – Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2020 (Новая Библиотека поэта).
5. Шаламов, В. Т. Четвертая Вологда : повесть, рассказы, стихи / Варлам Шаламов ; [составитель, ответственный редактор, автор вступительной статьи и комментарии В. В. Есипова]. – Вологда : Древности Севера, 2017. – 271 с.

L.V. Egorova, M.R. Gogolin

MIKHAIL GOGOLIN: «SILENTIUM» ON VARLAM SHALAMOV'S POEMS

A discussion of the editor of the journal and the composer Mikhail Gogolin about his cantata «Silentium» on Varlam Shalamov's poems and relevant professional issues. On January 16, 2022, the performance of the cantata became the central event of the musical and poetic evening on the 40th anniversary of Shalamov's death.

M. Gogolin, cantata «Silentium», V. Shalamov, poems.